

Шилин Виктор Вячеславович

Новый мир (2014)

Ввысь посмотри открытыми глазами –
Там, в облаках, над головой,
Над всеми грешными,
Над нами,
Рождается чудесный мир иной.

Однажды утром на планету,
Застав гниющее врасплох,
Он упадет...
Он будет так похож на этот –
Почти такой же,
Но другой.

Он нам не принесет покоя,
Он нас не защитит от зла,
Но души наши,
Нас с тобою
Он разожжет, как два костра!

Охваченные Новым миром,
Его на плечах понесем,
И жизнь,
Обросшую,
Как брюхо,
Старым жиром,
Мы в обновлении спасем.

Она очистится,
Сверкнет звездой,
И нас, других, в себя вобрав –
Ввысь устремится...

Но в ту пору,
В бою рожденную,
И без прикрас,
Может, не будет нас
С тобою.
Будут другие –
Лучше нас!

Весна (2015)

Весна пришла, ее заждались,
Хоть опоздала лишь на день,
А позади снега остались,
И зимней ночи долгой тень.

Весна пришла! Встречайте солнце!
Его лучей ловите сень,
И, настеж отворив оконце,
Гоните лень!

Конец пути (2014)

Давно бежала детвора
Под школьные звонки.
Банты девчат,

Шелест листвы
Теперь так далеки.

И славная пора
Учебы долгих лет
Свое тогда
Лишь начала –
И вот ее уж нет.

Мы, не задумываясь, шли,
Вопрос: «Что будет впереди?»
Тогда не волновал.
Каков итог всего пути?
Зачем вообще туда идти?
Из нас никто не знал.

Летели школьные года -
Волнения, любовь
Захватывали нас тогда,
Кипела в жилах кровь.
Потом студенты –
Снова страсть
Лихих бессонных лет,
Мы жизнью упивались всласть,
Не замечали бед!

Учебы путь
Длиной в жизнь
Окончен.
Что теперь?

К чему душою нам
Прильнуть,
Открыть какую дверь?

Что это было?
Только старт?
Иль все уж позади?
Кого-то ждет
Болота хлад,
Кого-то жар войны.

Лишь нам решать
Чем наполнять
Объемные мехи,
Какую рифму выбирать
В сложенные стихи.

Сонливо годы поминать
Что были веселы,
Или узнать себя в труде
И, объявив войну судьбе,
С ней говорить на «ты».

Дверь отворилась –
Нам входить
И вкладывать *свой* труд,
Свои плоды
Теперь вносить
На предков строгий суд.

Пусть будет трудно
Иногда –
Им было тяжелей,
Но цель теперь
У нас одна –
Судьба страны своей.

Из диких кварталов (2014)

Я вырос тут.
Среди развалов,
Измученных,
Истерзанных кварталов.

Средь боли улиц,
Когда-то светлых,
Теперь гниющих,
Подлых,
Грешных!

Среди апатии,
Бессмысленности,
Грязи.
В рядах той братии,
Что шестерит у мрази,

Кто в драках уличных,
Срывал за что-то злобу,
Кого наркотика,
Ждала у гроба проба.

Но даже мы,
Щенки,
Как ни были б мы слепы,
Мы из кварталов диких,
Глазами устремлялись в небо.

Утренняя рифма (2014)

Просыпаться с рифмой вместе,
Что пришлют к тебе случайно –
Ведь приятно?
Тут нет лести –
Это чувства крик буквальный.

Сам стих льется на страницу,
Сердце просит свое слово,
Крикнуть о себе стремится,
То, что живо в нем и ново.

Я лишь волю выполняю,
Лишь вожу рукой и ручкой.
Сочиняет кто – не знаю.

Может, это смех твой звонкий
Что-то в сердце растревожил,
Может, контур шеи тонкий
Сделал так, чтоб во мне ожил
Неуклюжий и неброский

Дар поэта....
Все на этом!

Свидание (2014)

В тот миг, когда открылась дверь,
И ты ступила на порог –
Моим словам ничуть не верь,
Ими я выразить не мог.

Того, что в голове твориться,
Как сердце бешено стучится,
И в жилах закипает кровь,
И чувство дерзкое – любовь!
Меня охватывает вновь.

И пролетают как мгновенья
Часы с тобой...
Чуть-чуть осталось,
Разлуки горькая усталость –
Ты возвращаешься домой...

И хочется кричать: постой!
За что жестоко так со мной?
Хоть полчаса!
Хоть пять минут!

Но дома ждет тебя уют...
И, поразив губами в щеку,
Рукой коснувшись ненароком,
Ты оставляешь одного
Страдать, мечтать...

Но ничего!

Я подожду опять до срока,
И снова подойду к порогу,
В смятении, в радости, в поту,
Мысль повторяя лишь одну:

«Я снова буду рядом с ней,
И силы в мире нет сильней,
Что нас свела,
А потому
Не разлучить нас никому!».

Убей напыщенность и пафос... (2014)

Убей напыщенность и пафос
Пустой влюбленности шальной,
И вспышки радости,
И мой
Каприз пустой –
«Ты не со мной?!»

Холодным словом оголи
То настоящее внутри,
Что всем отказам
Вопреки

Готово ждать,
И хочет жить –
Ему не в силах запретить

Как больно б ни было –
Любить!

Я проснулся среди ночи... (2016)

Я проснулся среди ночи.
Смутно помню все... Лишь ясно
На меня смотрели очи,
То ли гневно, то ли страстно.

Помню рук прикосновение,
Как сливались мы губами.
Вздых горячий откровенья
Трудно передать словами.

Но уходит сон неясный
Растворяется туманом
Жаль, что поцелуй твой страстный
Оказался лишь обманом...

Последнее свидание (2014)

Мы тихо шли,
За руки не держась.
Словами ранить не боясь,
Ты говорила.
Мной придуманную связь –
Рвала.
Надежды глупые,
Обманчивая страсть –

Все сгнуло,
И страшно пусто стало.
Ты, смеясь,
Стирала все –
Будто водой
Смывала грязь...

Солнце зашло,
И мы расстались.
Домой пошла,
А я – бродить.
В ногах тяжелая усталость,
И хочется вином залить
В душе рубцы.
Они остались –
Их тяжело в себе носить.

Но все пройдет!
Скоро забудусь
Тревожным сном.
Настеж отворенным окном
Я ночь впущу,
Прохлады сладость,
И темноту,
И пус-то-ту...

Да, я любил... (2015)

Да, я любил,

К несчастью, безответно.
Любовь хранил,
И от любви сгорал.
Как я хотел быть с ней!
Но тщетно
К ее душе и сердцу призывал.

Да, я любил.
И к счастью безвозвратно
Свою любовь уже похоронил.
Как я горел!
Огонь потух бесследно –
Я потушил,
Я сам так пожелал.

Как я страдал!
Так горестно, так крепко!
Как счастлив я,
Что чувство прошлому отдал,
И все забыл:

Как счастье упоенно
Я от любви пылающей черпал,
И к ней бежал,
И ждал ее смиренно,
И незабвенно,
Я всем словам ее внимал...

Да, я любил...
К несчастью безответно.

Любовь убил,
И все бесследно
С души и сердца
Постирал.

Ночь на заводе

Виктор Шилин, 2017

Зима. Вьюжная, колючая ночь. Территория большого химического комбината. Узкую бетонную дорожку, ведущую через пустое поле к громоздким угрюмым корпусам, совсем замело. Ветер гуляет по пустырю, носит мелкую снежную взвесь, собирает сугробы, воет. Светят холодные огни ночного освещения, лают где-то в стороне заводские собаки, дымят высокие трубы.

Под самое утро, часа в четыре, из того цеха, что слева от поля, вышли двое рабочих: молодой и постарше. Ветер набросился на поднятые воротники объемных фуфаяк, неуклюжие вязаные шапки тут же усеяла ледяная пыль. В руках они несли широкие снежные лопаты. Приступили к работе — расчищать заметенную дорожку.

Снег был тяжелым — ветер уже успел уплотнить его. Лопаты врезались в белую толщу и отбрасывали очередную кучу в сторону. Прааз! — четверть метра освобождена из снежного плена — показалась бетонная серость дороги. Прааз! — удар! Лопата натыкалась на неровность, дребезжала в руках. И снова — прааз! Дорожка понемногу расчищалась.

Иногда они останавливались, и, разогнув затекшие спины, стояли, опираясь на черенки лопат. Перебрасывались короткими фразами, поглядывали в сторону соседнего цеха. Оттуда никто не спешил на расчистку. Мужчины продолжали работу. Холодно не было — напротив, от напряжения становилось жарко под ватными фуфайками. Страдала лишь шея — ветер налетал порывами, забрасывал пригоршни снежной пыли за воротник.

Они были в одной смене недавно и еще не успели хорошенько узнать друг друга. Один из них — мужчина лет под сорок, Сергей, работал на заводе уже очень давно — устроился сразу, как окончил техникум. Это был опытный рабочий с богатым стажем и уже сложившимися «убеждениями». Второй — молодой парень, Пашка, лет двадцати пяти, новичок. Он еще не успел освоиться и считался тут кем-то вроде подмастерья.

Наступило время перекура. Рабочие бросили лопаты на плечи и направились по расчищенной дорожке обратно к угрюмому корпусу. В курилке было тепло. Скинув фуфайки, они расположились на скамье.

Тот, что постарше, Сергей, потягивал сигарету, а Пашка клевал носом. Он не курил, но часто тоже заходил сюда, просто посидеть за компанию, поболтать. Встряхнув головой и поборов сон, он спросил напарника:

— Да... Сколько нам еще чистить?

— До «железки». Ее замело, но мы наткнемся. Дальше пусть «двадцать седьмой» чистит, это их зона.

— Что-то они не торопятся...

— Спят, наверное, — Сергей усмехнулся сквозь дым, — выбегут скоро, будут как угорелые носиться.

— Спят... Мда, — Пашка протяжно зевнул, он никак не мог привыкнуть к ночным сменам и страшно хотел спать, — а что бы и нам с вечера не выйти, а? Сейчас бы можно было тоже... того...

— Да ты глянь, как метет! С утра по новой бы чистили! И так, когда к «железке» подойдем, расчищенное уже слегка занесет, придется еще раз проходить, — Сергей докурил, встал со скамьи, — ладно, пойдем, за час надо закончить.

— Пойдем.

Снова принялись за работу. Ветер действительно быстро заметал расчищенную дорожку — в том месте, где Пашка полчаса назад тщательно соскоблил весь снег, теперь снова тянулись пока еще небольшие бугры белых наносов. Он сгреб их и выбросил прочь. Ветер подхватил эту горсть снежной пыли и унес куда-то в темноту.

Они приближались к середине поля. Уже начинало светать, небо теряло свою черную глубину, мутнело, серело. То тут, то там гасли огни освещения. Темная ночь уступала место хмурому утру.

Наконец их инструмент звякнул о рельсы — это была железнодорожная колея, проложенная посреди поля — по ней локомотивы вывозили вагоны с готовой продукцией. Расчистили площадку перед путями, переход. Снег с той стороны дороги был девственно чист — никто так и не вышел из «двадцать седьмого». Но ночное освещение в нем погасили — значит работники бодрствовали.

Пашка махнул лопатой в сторону «соседей»:

— Смотри, даже не начали, гады!

Сергей тоже недобро посмотрел на темную громадину чужого цеха:

— Ну значит получают по первое число, — потом взгляд его снова стал спокойным, — а может случилось чего, мало ли. Ладно, пошли, покурим, чайку выпьем, а через полчаса еще раз пройдемся, освежим проход. Чтоб все по чину, — он бросил лопату на плечо и, размеренно шагая, как человек, довольный своей работой, направился обратно.

Пашка еще какое-то время смотрел на нетронутую поверхность снежного покрывала с другой стороны железной дороги. Какой-то смутный порыв родился в нем.

«Может самому? Взять, да и быстренько... Раз-раз...»

Он отогнал навязчивую мысль и поспешил догонять напарника.

Когда Пашка вошел в курилку, Сергей уже дымил сигаретой. Он с усмешкой посмотрел на парня.

— Ты чего там, заблудился?

— Да нет, я это... так. Слушай, Сергей, может, пойти им сказать?

— Ха-ха-ха! — Сергей от души рассмеялся. — Ну иди скажи! И от меня привет передай! Ха-ха! — он даже закашлялся от смеха. — Ну ты, правда, как с Луны. Ой, рассмешил.

— Я вообще-то серьезно.

— Да я понял. Слушай, если они хотят ссориться с начальством — это их дело. Парни знают, на что идут. Спать они не спят, только что от них сводку передали, значит, все у них в порядке. Верно, смелые или дюже богатые, — Сергей затаился. — Мы свою работу сделали? Сделали. На совесть сделали? На совесть. Вот перед концом смены еще разок пройдемся, освежим проход и все будет вообще! Как в армии!

— Ну да... Но я вот что подумал, — Пашке почему-то неудобно было это говорить, как что-то постыдное, но он пересилил себя, — мы для чего чистили-то? Чтобы народ с утра мог спокойно пройти, а не через сугробы лезть, так?

— Ну, так.

— А какой смысл тогда чистить только половину? Все равно все полполя по колено в снегу идти будут. Тут уж либо целиком очищать ее, либо вообще можно не чистить — народ в обход попрется.

— Ну... — Сергей тянул с ответом, эта мысль, видно, не приходила ему в голову, — и что ты предлагаешь?

— Сперва думал как-то их подбить, но... наверно, это и правда глупо — не вышли сами, и хрен с ними, — Пашка замялся, а потом произнес казавшееся ему почему-то самым неловким, — может мы сами, а? Быстренько, раз-раз, хотя бы слегка?

Сергей уставился на него обалдело:

— Ну это ты брось, может нам за них еще в сортир сходить? Мы свое дело сделали — наша совесть чиста, они кладут на задание — ну так пожалуйста! С чего я должен за них их работу делать? Они мне за это заплатят? Начальство премию даст? Да скорее нахлобучат, что не в свое дело полез! — Сергей уже не улыбался, — слушай, идеалист, ты это брось, за всеми попу подтирать. Они не дитятки.

— Да причем тут они!? Дело же в другом, — Пашка поборол неуверенность, разгорячился, — как люди на работу пойдут? Там же сугробы чуть не по пояс!

— Как хотят, пусть так и идут, — уже раздраженно ответил Сергей. — Мне какое дело?

— Да мы сами-то там сейчас, после смены, как домой пойдём?!

— Полетим, понял! — тоже разошелся Сергей, — не буду я за них чистить! И тебе не советую, потом с горба не слезут, только подсади разок.

— Ладно, понял. Глупая идея, — парень сдался, как-то сразу осунулся, лицо, покрасневшее от мороза, потеряло живость. — Пойду чай заварю.

— Вот это правильно! — наигранно бодро воскликнул Сергей, поняв, что переборщил с критикой, — нечего тут за всякими... — говорил он в спину уходящему Павлу.

Пили дымящийся сладкий чай в неловком молчании. Старшему было стыдно, что он как-то слишком круто обломал в общем-то правильную, но чересчур уж наивную инициативу молодого. Действительно, особого смысла чистить одну половину поля, когда через вторую только на лыжах можно пройти — не было. Но и так вот просто сделать чужую работу? Против этого восставал весь его многолетний опыт, все укоренившиеся в нем представления о порядке на заводе. Сергей считал, что любую работу, которую ему

поручают и за которую ему платят деньги, — нужно выполнять быстро и качественно. Но делать что-либо по собственной инициативе, тем более за другого? Такой номер он не собирался исполнять. Хотя этот молодой... Он все же что-то поколебал в нем... Неспроста Сергей так разгорячился, доказывая свою правоту.

Допили чай. Нужно было сделать последний штрих в расчистке снега.

— Ну что пойдём, добъём? — Сергей поднялся, надевая фуфайку.

— Ага, — Пашка натягивал шапку. Потом вдруг как-то наигранно бодро выпалил:

— Слушай, давай я сам, а? Ты пока журнал заполнишь, рапорт напишешь, а я быстренько подчищу. Там делов то, минут на десять!

Сергей посмотрел на напарника, почесал затылок.

— Ну давай... — идти на мороз не хотелось, и он согласился на такое «разделение труда». Сел за стол, начал записывать показания приборов. Павел же оделся, взял свою лопату и вышел.

Сергей занес в журнал все необходимые показания: температуру, давление, расход сырья за смену. Описал в отчете все, что сделали они с вечера и позже, утром. Упомянул и то, что «соседи» не вышли на чистку снега. Подумал, жирно подчеркнул эти строки и поставил в конце восклицательный знак. «Полууучат, ребята!» — произнес он про себя.

Время шло, через полчаса должна была прийти сменявшая их пара. Но Пашка все не возвращался. Сергей сначала даже забеспокоился, но потом у него возникла догадка: «Как же я сразу не понял!»

Он быстро накинул фуфайку и вышел в хмурое утро. Все было точно так, как он и предположил — уже расчищенная, но слегка заметенная дорожка была не тронута, зато в отдалении, на второй половине поля лихо размахивала лопатой фигура Павла.

Матерясь про себя, Сергей почти бегом направился к нему.

— Ты чего тут? Все-таки решил, что ли? — как будто сам не видя того, что происходит, спросил он.

Пашка запыхался, шапка сдвинулась ему на затылок, оголила взмокшие волосы. Он оторвался от работы и, тяжело дыша, ответил:

— Да я... Сейчас, уже немного осталось, я почти... — Он подустал, говорил несвязно, но глаза его сияли. — Я скоро! — и он снова принялся размахивать лопатой, быстро продвигаясь вперед.

Сергей еще немного помялся рядом с ним, угрюмо смотря на работавшего как отлаженный механизм парня. Потом смачно, заковыристо выругался и снова почти бегом направился к цеху. Его не было всего секунд тридцать, затем дверь опять открылась, и из нее выбежал Сергей, но уже с лопатой. Повторяя какие-то извилистые, как скороговорки, ругательства, он присоединился к работе. Вдвоём они стали управляться с нерасчищенным снегом еще быстрее. Казалось — успеют в срок. Однако когда рабочие заканчивали и оставалась только последняя пара метров, на дороге недалеко от них появились несколько крепких мужских фигур. Это была шедшая на работу дневная смена.

Сергей, порядком взмокший от работы в быстром темпе, все же нашел время взглянуть на них исподлобья, и узнал знакомые лица. Издалека уже, по растянутым от уха до уха улыбкам было видно, что мужики все поняли и наверняка готовили несколько крепких забористых шуток.

«Господи, стыдобища-то какая!» — подумал Сергей, приготовившись отвечать на ушат издевательств. Но, несмотря на это, он чувствовал, что молодой все сделал правильно. И где-то внутри, под солидным слоем солидного опыта и рабочих «убеждений», ему было так легко и хорошо, как давно уже не было.

В метель

Виктор Шилин, 2017

##1

Одно время мне нередко приходилось ездить из родного Волгограда в небольшой областной городок Котово. Путь лежал на север вдоль Волги, до Камышина, а затем трасса поворачивала на запад. Всего на дорогу уходило часа четыре. Я выезжал обычно вечером, в пять. К девяти приезжал на место, а утром принимался за дела. Так всё было бы и в этот раз. Если бы не одно происшествие.

Стояла ранняя пасмурная весна. Хоть март и не радовал нас солнцем, но было уже довольно тепло, и укутавший город снег таял на глазах. Изредка зима еще напоминала о себе буйной, но скоротечной пургой да колючими ночными морозами. Но это случалось нечасто.

Согласно привычному уже порядку я приехал на автовокзал к четырем часам дня. Зал ожидания наполнился людьми — впереди были выходные, студенты и рабочие из области стремились попасть домой. Автобус уходил только через час, и я спокойно встал в очередь за билетом. От нечего делать глазел по сторонам, рассматривал людей. Народ в область ехал по преимуществу небогатый, все в простых куртках и ботинках, за спинами объемные спортивные сумки и рюкзаки. Мое внимание привлекла одна женщина лет сорока, стоявшая в соседней очереди. На ней была строгая опрятная дубленка, блестящие, словно только что начищенные, зимние сапоги. Женщина была красива, но выглядела суровой, очень уж деловой. Я такими всегда представлял себе школьных директрис в жизни. Женщина сильно нервничала. Она переминалась с ноги на ногу, с тревогой поглядывала на окошко кассы, и, поджав губы, следила за табло отправлений. Женщина была налегке, с одной только черной сумочкой, которую она то и дело нервно перекидывала из одной руки в другую. Периодически она все порывалась сказать что-то впереди стоящему угрюмому мужчине, но, видно, не решалась, будто побаивалась его. Наконец, отважилась:

— Простите, пожалуйста... Скажите, а сколько мест в уходящем автобусе? Не написано просто, сколько еще свободных в продаже и...

— Все влезем, — не повернувшись, буркнул в густые усы мужик.

— Ясно, спасибо, — видно было, что ответ не принес ей особого облегчения, и она продолжила нетерпеливо переминаться на ногах.

Мест действительно хватило всем. В рейс выходил старенький уже здоровенный «Икарус». Где-то в полпятого он подкатил на площадку перед вокзалом. Купив билет, я подкрепился каким-то дешевым пирожком с сомнительным содержимым и направился к автобусу. Водитель потягивал зажатую в зубах сигарету, хмурился и проверял у входящих билеты. Он периодически посматривал на небо, затянутое серой пеленой облаков, и явно был чем-то недоволен.

— Прогноз плохой. Метель обещают, — сказал он как бы и никому, просто в воздух.

Будто в подтверждение его слов с неба сорвались несколько снежинок и закружились перед нами.

— Ладно... все зашли? Кто еще? Отправляемся! — водитель бросил в урну окурок, сплюнул и уселся за баранку. Все курильщики быстро забежали в теплый салон. Приятно заурчал мотор, и машина слегка задрожала. Двери закрылись, и мы поехали.

##2

Город с его серыми громадинами остался позади. В окне замелькали небольшие пригородные домишки, а скоро пропали и они. До самого горизонта развернулась безграничная плоская степь. Снег, поначалу срывающийся невесомыми редкими хлопьями, теперь летел наискось, гонимый гуляющим по степи ветром. Снега было больше.

Однообразный пейзаж за окном нагонял сон. Прислонившись головой к прохладному стеклу, я задремал. Не помню, что снилось, какая-то мутная ерунда, которую и не вспомнишь при пробуждении. Периодически я просыпался, глядел в окно — снег за ним шел всё сильнее. Когда на равнину начали опускаться угрюмые сумерки, снег валил уже сплошной стеной. Я спал.

Проснулся я от громкого разговора рядом со мной. Автобус стоял, свет в салоне был потушен, горела лишь одна лампочка перед водителем. В темном проходе мелькали чьи-то фигуры, светили экраны мобильных. Я не сразу вынырнул из забытья, с минуту тупо наблюдал и слушал, ничего не понимая. Разбудивший меня разговор загорелся с новой силой.

— Вы набирали МЧС? И что? Что говорят?

— Сказали, что все в курсе, мол, работаем, ждите. Так, отбрехались... А, вообще, говорят, Антиповка в Камышинском районе, звоните дальше туда.

— А Вы звонили?

— А как же. Говорят, Антиповка в Дубовском районе, звоните туда... А дальше, ну в общем то же самое.

— Вот уроды! Ну, хоть сказали, когда, когда приедут?

— Да нет, говорят, все в курсе, вся трасса встала. Ждите, расчистят, поедете.

— Да сколько ж ждать!

— Да хрен его знает...

Наконец до меня дошло. Разыгралась метель, дорогу замело и движение встало. Я слышал о таком, хоть сам ни разу не попадал в подобный переplet. Посмотрел на часы — восемь часов, уже должны быть в Камышине...

— Долго мы уже стоим? — спросил я у говорунов позади меня.

— Да час уже точно.

— Понял.

Дело было глухо. В надежде узнать ситуацию получше я пошел по темному проходу к водителю.

— Здрасьте, а долго будем стоять, не знаете?

— О, еще один. Да я-то откуда знаю?! Пока не расчистят, не поедем, — водитель был явно на взводе.

— Ясно. Да я не паникую, не спешу особо. А что, затюкали что ли вас?

— Да вон, дамочка только отцепилась. «Что» да «когда», «принять меры», «к кому обратиться». Я тебе что, Шойгу? Бери телефон да звони! Сижу тут такой же, как вы, — бурчал шофер. Я почему-то сразу понял, что он говорит о той самой нервной женщине, что я видел на вокзале.

— Ну а так, по прошлому опыту, попадали уже в метель, наверное?

— Не знаю, может, скоро тронемся, а может, полночи прокукуем. Всякое бывает. Один раз я до утра стоял. Вон, свет уже выключил, обогрев потише сделал, соляру буду экономить.

Делать нечего, я направился обратно к своему месту. Глазами наткнулся на освещенное экраном мобильного уже знакомое взволнованное лицо. Женщина звонила куда-то, чего-то допытывалась. Из трубки доносился возмущенный голос диспетчера: «Женщина, я вам в сотый раз говорю, техника выехала, она будет чистить всю трассу, вы что, думаете, вы одна там сидите! Потерпите!»

Началось томительное ожидание. Проходили минуты, часы, но всё было без изменений, только периодически вспыхивали пространные разговоры, всё более сдобренные паникой. За окном почти ничего не было видно, лишь мешалась какая-то темная серая каша — стремительно несущийся по степи снег. Слышно было, как воет за окном ветер.

Небольшая группка пассажиров, человек пять, столпилась у выхода. Собирались выйти покурить. Я накинул куртку и рюкзак, присоединился к ним.

На улице бушевала метель. Ноги тут же провалились в глубокий свежий снег, ветер засвистел в ушах, ударил в лицо, бросил за шиворот пригоршню ледяной крупы. Оказалось, что наш автобус был зажат в длинной колонне, скопившейся на трассе. Голова и хвост ее терялись где-то в снежном мареве.

Мы быстро оббежали автобус, встали с подветренной стороны. Тут было тише. Подкурили, молча пыхтели табаком. Я заметил среди куривших и нервную женщину. Она стояла чуть поодаль и размышляла о чем-то, нахмурившись и глядя в снег. Наконец она будто приняла какое-то решение. Женщина подошла к нам, верно, чтобы что-то сказать. Но вдруг растерялась. Видно, не знала, как обратиться, то ли «друзья», то ли «мужики». Я догадался, что она не привыкла разговаривать так вот, по-простому, с незнакомыми людьми. «Точно, какая-нибудь начальница», — подумал я. Наконец она решилась.

— Слушайте, давайте сходим к голове колонны, может там что-то знают.

— А что там могут знать? — недоверчиво спросил один мужик.

— Ничего там не скажут, — протянул другой и добавил: — Только в ботинки снега наберем. Да автобус свой потом найди, все фары повыврубили.

— Ну, можно хотя бы попробовать. Всё же лучше, чем сидеть тут... — женщина взволнованно смотрела на нас в надежде на поддержку, но курильщики отнекивались, отмалчивались.

Она постояла немного в неловком ожидании, затем словно обиженно промолвила:

— Ладно... я тогда сама... я пойду, — и, повернувшись, действительно побрела в глубоком снегу в ту сторону, где терялась в темноте голова колонны. Мне стало обидно за нее. И правда ведь, это лучше, чем бесплодно ждать. Впереди могут знать больше. Да и равнодушные мужиков разозлило. Я нагнал ее:

— Давайте я с Вами.

Она удивленно повернулась ко мне, в тревожных глазах засветилась благодарность:

— Спасибо...

Мы брели в снегу, близко прижавшись к машинам с подветренной стороны. Где кончалась дорога и начиналась степь, в которой снегу было, наверное, уже по пояс — было непонятно. Сильный ледяной ветер дул сбоку, с востока. Он нес с собой горсти белых хлопьев, бил ими в борта и стекла машин, сеял их в степи.

Пройдя, наверное, метров сто, мы увидели истинную причину такого большого затора. Здоровенный длинный автобус развернуло на трассе, и он съехал носом в кювет. Бампер и передние колеса полностью погрузились в глубокий снег, середина и задняя часть машины перегородили трассу. С наветренной стороны у автобуса скопился уже немалый сугроб, доходивший чуть не до окон. Свет в автобусе не горел, но мы догадались, что причина не в отсутствии пассажиров. Просто экономят аккумулятор.

Это сильно усложняло дело. Расчистить дорогу — это одно. А вытащить такую машину из кювета — совсем другое. Я обернулся, хотел спросить, что будем делать дальше. Но промолчал — взгляд уткнулся в искаженное отчаянием лицо женщины. Увидев, что я смотрю на нее, она тут же попыталась принять привычный деловой вид, но получилось это неважно. Я в первый раз только подумал, что у нее, верно, стряслось что-то серьезное.

— Давайте всё же спросим кого-нибудь, — сказала она, и я еле услышал ее сквозь вой ветра. Мы подошли к первой после развернутого автобуса машине. Это была новенькая маршрутка, мест на двадцать пять. В ней было так же темно, будто она стояла пустая. Женщина постучала в окно со стороны водителя. Никто не открыл. Она забарабанила сильнее. Наконец, дверь отворилась, и оттуда высунулся мужик с помятым лицом. Видно, спал.

— Что? — он хмурился, морщил лицо от холодного ветра и залетавшего в салон снега.

— Слушайте, вы не в курсе, когда восстановится движение... — неуверенно начала женщина.

— Чего? Вы что, ослепли? Какое движение! Да тут трактор нужен. Ложитесь спать! — мужик был явно недоволен, что его разбудили и заставляют отвечать на глупые, по его мнению, вопросы.

— Ну а трактор, его вызвали? В смысле, службы же уже едут, или нужно самой позвонить, или...

— Женщина, вы что, не понимаете? Какие службы? Вы что тут, начальник автоколонны? — мужик явно перебарщивал с норовом. Я хотел уже вмешаться, но она сама оборвала разговор.

— Ясно! — надрывно почти крикнула она ему в лицо и захлопнула дверь. За секунду я вновь увидел резкую смену чувств на ее лице. Поджатые губы, раздутые ноздри, затем лицо исказилось отчаянием, потом снова поджатые, почти белые губы.

— Пойдемте, бесполезно, — бросила она обреченно и, не дожидаясь ответа, побрела обратно. Я поплелся за ней.

Меня заразило ее гнетущее состояние. Я всё порывался спросить ее, что у нее за дело, что случилось, но почему-то не спрашивал. Не без труда мы отыскали свой автобус. Она предложила покурить, и мы зашли с той же стороны, что и прежде. Прикурили. Молча тянули дым. Мне было неловко, а она глубоко задумалась о чем-то. Было всё так же не темно, а как-то серо, ветер так же выл и гнал по степи снег.

— Ну... пойдете в салон? — предложил я, бросив окурок в сугроб. Я уже порядком озяб.

— Да... сейчас, — она ответила, не выныривая из своих дум. Брови нахмурены, лицо строго. Капюшон дубленки весь густо усыпан белыми хлопьями.

Я постучал в дверь. Сначала тишина. Видно, водитель тоже уснул. Постучал еще. Дверь отворилась, я оглянулся на женщину, но она стояла на том же месте, словно и не собиралась заходить.

— Ну, Вы идете?

— Да, да, Вы заходите, я сейчас. Вы идите.

Я зашел в салон. Было уже не так тепло, как прежде, водитель почти выключил отопление. Пассажиры сидели в куртках, почти все дремали.

Я прошел до середины прохода, оглянулся, но женщины всё не было. «Куда она пропала?» — подумал я. Мне стало тревожно за нее. Что она еще придумает... Я почти бегом вернулся к голове салона, снова толкнул водителя:

— Слушай, открой.

— Да вы достали! Что не сидится, только тепло выпускаете...

— Там женщина, надо вернуть ее.

Он нажал кнопку, дверь отворилась. Бросил мне в спину:

— Потом по степи вас искать не будем!

Я снова оказался на холоде. Никого не было. У меня возникла догадка, я поглядел вперед, и она подтвердилась. Знакомая дубленка мелькала впереди, женщина снова шла к голове колонны, ступала по уже почти заметным следам.

«Опять пошла разбираться. Точно драку устроит», — подумал я и стал догонять.

К тому месту, где стояла маршрутка с грубым водилой, я почти нагнал ее. Но, на удивление, она прошла мимо. Я закричал ей, но ветер унес слова в степь, она и не слышала их. Побежал снова догонять, ступал след в след.

Женщина брела уже в целинном снегу, ссутулившись под жестоким холодным ветром. Она обогнула развернутый на трассе автобус и пошла дальше. Я никак не мог понять, что она удумала? Идти навстречу МЧС?

Наконец я догнал ее, метрах в двадцати впереди злополучного автобуса. Запыхавшийся, схватил сзади за плечо:

— Вы куда?

Видно было, что ей было нелегко идти, но она посмотрела на меня, как ни странно, уверенно. Тяжело дыша, молчала.

— Ну? — допытывался я.

— Я пойду пешком, — коротко сказала она и снова побрела вперед.

Я оторопел. Поплелся сзади.

— Как пешком, куда пешком? Вы с ума сошли?

— Всё в порядке. Мне идти не больше семи километров. За три часа дойду. Спасибо, возвращайтесь. Обо мне не волнуйтесь.

— Да откуда Вы знаете? Мы же в степи, вы замерзнете!

— Перед тем как встать, мы проехали поворот на Антиповку. От нее километрах в десяти два поселка, Белогорки и Вихлянцево, рядом. Мне как раз во второй и надо. Ничего, я дойду.

Я смотрел на ее уверенное лицо и никак не мог поверить, что она говорит всерьез. Да как она дойдет, одна, в такую метель, по глубокому снегу...

— Да Вы с ума сошли, по пояс скоро заметет! Давайте обратно к автобусу, давайте, давайте, — я взял ее под руку, немного повлек за собой. Она вырвала руку, сказала уже грубее:

— Молодой человек, оставьте меня в покое. Вы прекрасно знаете, что скоро это не рассосется. Может, и сутки простоим. Я всё прекрасно понимаю, что опасно. Я тут выросла, в этих местах. Дойду, ждать мне нельзя, время! Идите! — и снова побрела в снегу.

Ситуация распалила меня.

— Да что Вы за... Что у Вас там, помирает что ли кто-то?

Она вдруг резко остановилась. Обернувшись, в глазах блестели слезы и гнев.

— Да! Мать умирает, ясно! — некоторое время она смотрела на меня, а потом снова пошла.

Я не ожидал такого ответа, остолбенел. Вот как, оказывается. Да, это причина... Я стал вдруг дико злой на всю эту ситуацию, на метель, на снег, и на проклятую степь.

— Да что б это всё! — я выругался и сплюнул. Что делать... Побрел по следам назад, возвращаться. Периодически поворачивался, смотрел, как она брела в снегу, удаляясь всё сильнее. Сердце было не на месте.

В очередной раз я приостановился и посмотрел ей вслед. Ее фигура уже почти терялась в сером мареве ночной метели. Вдруг она пропала из виду, будто провалилась сквозь землю. Сердце у меня ушло в пятки. «Упала!» — подумал я, и эта мысль больно хлестнула меня изнутри. Несколько мгновений я стоял, мучительно вглядываясь в

трепещущую серость впереди. Наконец она поднялась, видно, просто ноги запутались в глубоком снегу. Внутри меня все отлегло. Но это падение стало последней каплей. С трудом вытягивая ботинки из глубокого снега, я побежал за ней следом. На душе стало как-то сразу спокойно, оттого что решение было наконец принято.

Через пять минут я нагнал ее и подошел сбоку. Она шла с трудом, но упорно. Снег не давал ступать широко, его было уже по середину голени. Руки держала в карманах дубленки, капюшон натянут на голову, лицо нахмурено, сосредоточено. Она тяжело дышала от такой непростой ходьбы. Не сразу увидела меня.

— Опять Вы! Слушайте, я Вам уже всё сказала, и даже больше! Я иду пешком и в этом нет ничего ужасного!

— Отлично, а я просто иду вместе с Вами! — задорно ответил я, и на душе у меня и правда было очень легко.

Она сперва будто не поняла того, что я сказал, собралась опять что-то яростно доказывать, может, даже грубить. Но потом до нее дошло:

— Вы... что?

— Иду с Вами. Вместе веселее будет. Вы же говорите, что ничего нет опасного, что тут часок только прогуляться. Как раз меня чаем напоите, спать уложите, а утром я и пойду на автостанцию. У меня дело не такое уж срочное.

Женщина всё изумленно смотрела на меня. Никак не могла взять в толк, что говорю всерьез. Наконец, кажется, поверила.

— Ну... ну ладно, пойдёмте, — потом добавила: — Спасибо.

— Отлично. Давайте я первый пойду, будут дорогу прокладывать, как ледокол, — я слегка обогнал ее, пошел впереди. Услышал сзади снова какие-то слова, но толком даже не разобрал.

— Что говорите?

— Вас как зовут?

— Саша... То есть Александр.

— А меня Елена. Кстати, Александровна...

Ну вот, наконец-то и познакомились.

Так мы и шли, всё дальше удаляясь от занесенной снегом автоколонны. Скоро автобусы совсем пропали из виду. Вокруг были только белая степь и серое небо, мешавшиеся друг с другом в каком-то смутном, неясном мареве метели. Воющий ледяной ветер, ставший уже как будто привычным, упругие снопы снежных хлопьев и больше ничего...

##3

Идти было тяжело. Ноги вязли в глубоком снегу, ледяной холод набивался в ботинки, сводил ступни. Ветер хлестал порывами справа, бросал в лицо хлопья. Но, как ни странно, в целом не было холодно. Движения давались непросто, приходилось делать усилия, и от этой работы тело согревалось. Я даже немного вспотел. Только лицо немело от ветра, да ноги щекотал проникающий в обувь снег. Идти было тяжело... Но ходьба уже стала какой-то автоматической, шаг, еще шаг, снова шаг...

Мы брели уже долго, часа два. Размеренно шли, смотря под ноги. Впереди пустота — только колеблющаяся снежная серость, скрывавшая в себе даже горизонт. Смутно угадывалось направление дороги — по небольшому возвышению, да по тому еще, что я два раза провалился по пояс в снег, выйдя с трассы. Ветер свистел так, что речи было почти не слышно, и потому мы молчали. Я просто периодически оглядывался на свою спутницу, смотрел на ее опущенную голову. Но мог бы и не поворачиваться — я будто спиной чувствовал, что она по-прежнему там. Было заметно, что идти ей очень тяжело. Иногда, когда силы у нее кончались, она немного отставала. Пару раз даже приседала в снег. Я ждал, пока она отдохнет, помогал подняться, и мы продолжали путь.

Шли. На ветер уже и не обращали внимание, как и на снег в ботинках и сапогах. Я погрузился в мысли. То, что я не попал в срок в Котово, — не волновало. «Подумаешь, отложу на день, — думал я, — а вот у нее... Жива ли мать? И кто сама эта женщина? По виду — какой-то мелкий начальник. Была бы крупной шишкой, ехала бы на такси, а не на автобусе. Но среда для нее непривычная. Стронится людей, побаивается, робеет. А мать в деревне... Как так? Сказала — провела тут детство... Неужели и вправду? Потом, наверное, учеба, работа... Так! Что там у нас впереди? Ничего. Степь, муть и снег, один снег... Опа! Что это там такое?» — вдали, чуть в стороне от дороги, действительно мелькнули едва видимые, мерцавшие из-за валившего снега желтые огоньки. «Может, это машина, а может... деревня, тот поселок, как его... Белогорки?... Стоп. Что-то не так».

Я вдруг почувствовал, что за мной никого нет. Обернулся — и точно. Женщина сидела в снегу черным пятном, метрах в двадцати сзади.

— Вы чего там? — крикнул я. Молчание в ответ. Я пошел к ней.

— Устали?

Женщина подняла на меня лицо и посмотрела из темноты надвинутого капюшона. Мне стало страшно — отчаяние кричало в ее глазах.

— Она умерла, — еле расслышал я в вое ветра ее слова. Голова загудела, будто по ней ударили. Я не знал, что сказать.

— Она умерла, — громче произнесла женщина, — я чувствую. Оборвалось что-то внутри. Как струна, — она уже не смотрела на меня, а просто уставила глаза перед собой. Из них по щекам текли горячие слезы.

— Да бросьте, откуда Вы знаете! Вы просто устали. Сейчас отдохнем и пойдем опять, там, по-моему, уже деревня рядом... — пытался приободрить ее я, но получалось плохо.

— Я не могу больше идти, — обреченно сказала она, — сил нет. Да и зачем. Я чувствую, что всё, что конец, — она сжала покрасневшей на морозе рукой дубленку на груди, — сердце... Сводит.

Я понял, что дело плохо. Она бледнела на глазах. Еще несколько секунд — и упадет в обморок. Я присел перед ней на корточки, принялся тормошить за плечи.

— Хватит, я Вам говорю! Нам идти осталось — фигня! Сейчас кого-нибудь найдем, согреемся, и дальше — к маме Вашей. Я уверен, она жива. Хватит ее хоронить!

— Я так устала. Не могу больше, — тяжело дыша, Елена смотрела на меня, но как будто и сквозь меня. Лицо было белым, на нем застыла маска отчаяния. — Мама, мамочка... — сказала она вдруг дрожащим голосом, и слезы новым потоком потекли из глаз. Она закрыла лицо руками.

Я сел перед ней. Надо было что-то делать. Но не сейчас. Пусть поплачет немного. Когда она отняла руки от лица, я поднялся, подошел сзади.

— Так, мы с Вами тут сидеть всю ночь не будем. Снегом заметет, — я взял ее под плечи, приподнял. Сначала она просто повисла на мне, будто была совсем без чувств, но затем более-менее встала на ноги. Но сопротивлялась:

— Александр, Саша, оставьте меня, хватит.

— Нет уж, решили идти, надо идти. Что Вы раскисли? Решили, что все? С чего вдруг?

— Чувствую.

— Я тоже много чего чувствую. Например, что поселок близко.

— Какой поселок... — обреченно бросила она.

— Как какой? Ваш, точнее, который первый, перед Вашим. Как его?

— Белогорки...

— Вот. Смотрите. Да посмотрите же! — я начинал уже злиться, — вон там, впереди огни, видите? Это он! Почти пришли!

Она наконец посмотрела вперед, куда я указывал. Впервые за эти несколько мучительных минут лицо ее немного прояснилось.

— Хорошо. Не надо, я теперь сама, — она отняла мою руку. Пошла, как и прежде, сзади.

«Слава Богу!» — подумал я. Слышал позади ее тяжелое дыхание, изредка всхлипы, но в целом был спокоен. Главное нам до тепла добраться, а то так можно и замерзнуть в степи. Я решил, что мы должны попытаться счастья в поселке. Без отдыха точно не дойдем.

Вскоре мы добрались до поселка. С края стояло несколько стареньких хат, заметенных снегом. В двух мутные окна горели желтым светом. Я позаглядывал в один дом, ничего не смог разобрать, постучал в окошки, но никто не открыл.

Со вторым повезло больше. После первых же стуков за стеклом показалось маленькое сморщенное лицо старушки. Она несколько секунд всматривалась, кто это там стучит. Потом скрылась в глубине дома. Через мгновение дверь дернулась и попыталась открыться, но тому помешал солидный слой снега. Я отгреб его ногами, руками, и бабушка смогла наконец приоткрыть дверь.

— Ой, да как же вы тут! Неужто в метель попали? Что, машину небось занесло или в кювет слетели? Заходите, заходите, да быстрее, не напустите снегу, — затараторила хозяйка.

Мы не успели опомниться, как оказались в маленькой полутемной прихожей. В руки нам был вручен веник.

— Снег весь чтоб оббили, мне в доме лужи не нужны! Жену свою тоже оббей, да не жалей, что ты ее гладишь! — бабушка приняла нас, верно, за супружескую пару.

— Спасибо, — я протянул веник обратно. Теперь на полу вокруг нас разбросан был тающий снег, — мы не на машине, на автобусе ехали, и дорога встала вся. А женщине, — я показал на молчавшую Елену, — быстро надо в соседний поселок.

— В Вихлянцево?

— Да, туда.

— Как же вы, прямо по снегу так и шли? Ой, у вас ноги небось все в снегу. А ну сымайте разом ботинки, да тоже отряхивайте, да ботинки оббейте, и вот на трубу, сюда,

чтоб посушить хоть чуть. Так, кладите, я вам сейчас чаю наварю, — бабушка скрылась за боковой дверкой.

Я снял ботинки, а Елена сапоги. Сделали всё, как велела старушка. Как-то сразу хотелось ей беспрекословно подчиняться. Босиком и без верхней одежды мы прошли в небольшой зал, из которого и выглядывала в первый раз бабушка. Она сейчас суетилась с чем-то на кухне. Зашумел чайник на плите, загремели керамические кружки. Нам готовилось чаепитие.

Елена молчала. Она странно изменилась. Отчаяние будто сменилось какой-то обреченностью. Она выглядела очень уставшей, потрепанной. Мокрые от пота и растаявшего снега волосы смешались на голове, падали в беспорядке на лоб. Мне было жалко ее. Но я не знал толком, что сказать, я не умел утешать людей. Схватить в снегу и потащить — это можно. А что сказать ей теперь... Не знал.

В зале работала одна только тусклая лампочка, свисавшая на проводе с потолка, без плафона. Елена присела на кушетку под этой лампой и тени легли на ее лицо. Оно стало красивым и загадочным. Странно, но мороз и горе будто омолодили ее. Я не знал даже, сколько дал бы сейчас ей лет, двадцать, тридцать, сорок... Тягостное молчание между нами продолжалось. Она, видно, чувствовала свою вину передо мной. А я просто не знал, что надо в таких ситуациях говорить.

— Слушайте, Александр, я там совсем... расклеилась. Простите, — наконец сказала она. Я заметил, что со мной говорила уже совсем новая Елена. Это была не та зажатая, собранная в тугий пучок деловая дама с автовокзала, но и не та сломанная женщина, что я видел всего полчаса назад.

— Да ничего. Всё нормально, — искренне ответил я. Сразу стало как-то легче.

Тут вошла в зал хозяйка. В руках у нее была заменявшая поднос доска, на которой стояли две дымящиеся кружки чая.

— Так, ничего еще не сперли? — бабушка увидела наши вытянувшиеся лица, — шучу! Пейте давайте. Я вам с шиповником заварила. Сил должен прибавить.

Я с удовольствием припал к горячему напитку. Просто сидели и пили чай. Как же было хорошо... За окном подвывал ветер, но я отметил про себя, что он стал тише.

— Ишь, как глотают. И чего вас занесло в такую погоду к нам? Сколько ж прошли? Переждали бы в машинах, а там, глядишь, вас бы утром выковыряли.

— Да срочное дело, тут у Елены мать, — произнес я и осекся, наткнувшись на ее вопросительный взгляд, — да, впрочем, наверное, она сама, — я заметил вдруг, как странно смотрит на забавную старушку Елена. Будто знает ее...

— Моя мама. Она в Вихлянцево живет. Я сама оттуда, там выросла... — промолвила тихо женщина.

— А как звать? Маму твою?

— Ирина Федоровна...

— Нет, не знаю что-то...

— Сегодня... Или, наверное, уже вчера, позвонила соседка. Приезжай, говорит, Лена, как можно скорей, мама твоя умирает, — подбородок Елены задрожал. Женщина вздохнула, с трудом продолжила:

— Она давно болеет, но я не думала, что уже... Я... — Елена упала лицом на руки, глухо заплакала, спина ее дрожала.

Бабушка не бросилась сразу утешать. Смотрела даже с небольшой укоризной на Елену. Потом сказала.

— Ну тише ты, тише. Что ты сразу ее хоронишь? Я вот знаешь сколько раз так помирала, родных уже и не пугаю. Полежу немного, да и отойду, как кошка. Ты это брось. Ты так ей помогаешь? Знаешь, дочка, слово оно тоже не пустое. Возьмешь, да и угробишь мать? Ты зачем так, а?

Я молчал и удивленно наблюдал эту сцену. Женщины будто и забыли о моем присутствии.

— Я понимаю, знаю... Но что я могу с собой... Я чувствую. Как позвонили, так тут всё натянулось, — она снова, как тогда на дороге, прижала руку к груди, — а теперь словно оборвалось. Сердце упало... Я ничего не могу с собой... — она снова зарыдала.

Бабушка всё также немного сурово смотрела на женщину. Потом поднялась, шаркающей походкой подошла к ней и вдруг прижалась губами к ее поникшей голове, поцеловала. Потом отняла губы. Елена подняла удивленно голову.

— Она жива, дочка. Теперь я тебе скажу, что чувствую. Жива она, а ты нужна ей очень. И лучше ей своими рыданиями не сделаешь. Ты бы лучше к ней поторопилась. Тяжело ей одной.

Елена изумленно смотрела на бабушку.

— Откуда Вы...?

— Знаю, дочка, я знаю. Просто поверь. Она тебя очень ждет.

Елена молчала. Она вдруг изменилась в лице. Успокоилась, вытерла слезы.

— Да, Вы правы. Нужно идти, — она посмотрела на меня, — пойдете?

— Конечно, — отозвался я, — тем более, по-моему, метель стихла.

Бабушка проводила нас. Мы одели всё еще сырую обувь, верхнюю одежду, шапки. Я взял рюкзак, подал Елене ее сумочку.

— Ну, давайте, поспешите, с Богом. Куда идти, наверное, знаете. Так же по дороге еще всего километров пять, а потом направо. За пару часов дойдете. Так, ничего не забыли? Точно? Посмотрите хорошенько! Ну ладно, с Богом, пора.

Собрались уже уходить. Извинялись за беспокойство, бабушка всё что-то суетилась с новыми вопросами.

— Спасибо Вам огромное, — сказала Елена. Хозяйка уже без недавней строгости, тепло посмотрела на нее, подошла. Та, будто зная, что нужно делать, наклонилась, и бабушка снова поцеловала ее в лоб, перекрестила.

— Всё хорошо будет, дочка. Ты верь.

— Верю.

Мы вышли на улицу. Ветер совсем стих. Снег срывался еще немного с неба, но кружился теперь спокойно, без прежней безумной гонки. Вокруг стояла поразительная тишина, непривычная до одури. Я глянул вверх и изумился. Сквозь темно-серую пелену проглядывало черное звездное небо.

Мы пошли к дороге, всё так же — я впереди, Елена сзади. Наши прежние следы уже замело, и пришлось прокладывать путь снова. Снег не скрипел, слишком он был глубокий и рыхлый.

##4

Поселок остался позади. Мы оба смотрели на приютивший нас полускрытый снегом домик. Окна были мутные, и непонятно было, действительно ли бабушка стоит у окна, провожая нас взглядом, или нам это только кажется. Да и весь этот визит теперь казался каким-то сном, просто нереальным видением, которое принесли с собой метель и вой ветра...

Некоторое время мы шли молча. Хорошо было вокруг. Идти без ветра было гораздо легче. Грудь радовал чистый спокойный воздух, а глаза — снежный простор и мелькавшие в небесных прогалинах звезды. Елена заговорила сама:

— Она очень похожа на мою маму. Я как увидела, так и обомлела... Странно это всё... Не случайно. Я ведь выросла тут, знаете, в этих степях... — помолчала, потом прибавила: — Хорошо тут было... Особенно весной, степь так цвела...

— А почему уехали?

— Да жизнь так повернулась. Училась в школе хорошо, родители отвезли в Волгоград в институт поступать. А там студенчество... сами, наверное, знаете, знакомства, городская жизнь. В общем, осела в городе. Стала даже немного презирать деревню, зазналась, — она горько усмехнулась, затем мрачно сказала, — обидно было родителям...

— А что, вы одна у них?

— Да, только я... Отец у меня умер, давно еще, и мать одна осталась. Я все хотела ее к себе забрать, а она ни в какую. Она любила всё это — просторы, небо, степь, закаты... Не могла в городе жить. Душно ей в нем.

Я не знал, что говорить. Женщина изливала мне душу, а я как-то всегда терялся в такие мгновения. Молчал и только хмыкал в ответ.

— Я очень боялась, что не увижу ее больше. Всё время как вину перед ней чувствую, и всё надеюсь, что смогу еще оправдаться, искупить, что бросила там одну, что еще есть на это срок... А тогда, как подумала, что всё, что больше нет ее — так из меня будто всю душу вынули. Хорошо, что вы, Саша, рядом оказались... И эта бабушка. Она, правда, на мать так похожа. Мама никогда меня не сюсюкала, если плачу, сядет, смотрит строго. Чего, говорит, ревешь. Потом подойдет, поцелует раз в голову, и как рукой плач снимет...

— Да, интересно, прямо как магия. Совпадение, конечно.

— Да, просто совпадение... А вы, Саша, расскажите что-нибудь о себе. Вы куда ехали, зачем?

Я рассказывал. Так мы шли и говорили о разном. Елена стала другой за эти несколько часов. Я вспоминал ее вечером на вокзале. Строгие черты, поджатые губы. Где теперь всё это? Передо мной был совсем другой человек. Сильно уставший, измотанный, но будто раскрывшийся, снявший деловую маску. Я смутно догадывался, что видел сейчас ту давнюю, деревенскую «Ленку», что уехала из родных степей, и которую соблазнил и так изменил город. Эта простая женщина, пришедшая теперь на смену прошлой «бизнес-леди», была ближе. «Ленка» и раньше сквозила в ней, ее и стало жалко, ей и захотелось тогда помочь...

За разговором мы совсем не заметили, как вдалеке, справа от трассы снова замаячили огни. И точно, это было Вихлянцево, об этом поведал торчавший из снега знак, по которому лишь можно было понять, что мы бредем по шоссе. Свернули с трассы, еле нащупав поворот – нужно было пройти с километр в сторону. Когда подошли вплотную к поселку, небо уже начало слегка светлеть. В это трудно было поверить, но приближалось утро. Как только в голове появилась эта простая мысль, я почувствовал, как смертельно устал, и как хочу спать.

Теперь уже я брел вслед за Еленой. Она искала родной дом. Поселок был небольшой и поиски не продлились долго. Вот и она, заветная дверь. Так же занесена снегом. Елена постучала в окно. Ничего. Снова. Но она знала — в доме должна была быть соседка, присматривавшая за матерью.

Наконец что-то мелькнуло в окне. Внутри зажегся тусклый свет. Хоть мы и отгребли от порога снежный сугроб, но дверь отворилась с трудом.

— Лена, ты?

— Да, тетя Катя, почему у Вас телефон выключен?! Я чуть с ума не сошла!

— Тише! Я что ль знаю, что с ним делать?! Да тише ты! Мать спит.

— Спит! — Елена зажала рот рукой, чтобы сдержать рыдания. Но это были слезы облегчения, — слава Богу, слава Богу! — она сжала молитвенно руки. Вдруг взгляд ее изменился, она словно вспомнила что-то, — Спасибо, спасибо тебе, — повторяла она торопливым шепотом. Тетка, стоявшая в дверях, удивленно смотрела на нее, но я понял, что Елена обращается к той бабушке, — спасибо, спасибо...

— Ну, чего стоите в пороге, проходите, — приказала тетя Катя, — Да быстрее, холоду напустите, — мы зашли в дом.

Снова, как в доме старушки, мы отряхнули с себя снег, сняли сырую обувь, поставили сушить. Женщины вполголоса разговаривали.

— Ночью ей плохо совсем было. Ой, Лена, я думала, совсем уйдет наша Ира... А она ничего. Полежала, поохала и отошла. Всё имя твое в забыты повторяла. Видно, помогала ты ей.

Елена ничего не ответила. Молчала.

Елена отправилась в комнату больной. А меня усадили на кухню, налили горячего чая. Я сидел, борясь со сном, и отхлебывал дымящего напитка, помешивал ложечкой. Вдруг услышал что-то. Будто плач. Точно. С той стороны, куда ушла Елена, доносилась приглушенная речь, мешавшаяся со всхлипами. В ней звучало одно только слово: «Мама, мама, мамочка...»

Меня положили спать в маленькой боковой комнатке. Я, не раздеваясь, рухнул на кровать и тут же провалился в сон, больше похожий на обморок, на беспамятство. Очнулся, когда в комнату уже проник яркий солнечный свет. Поглядел на часы — половина одиннадцатого. Всё происходившее вчера казалось странным видением. Странно было осознавать, что это была реальность. Робко, стараясь не скрипеть половицами, я вышел из комнаты. Наткнулся на кухне на ту тетку, что встретила нас вчера на пороге, Катю. Она что-то стряпала:

— А, проснулся. Сейчас Лена подойдет. Садись пока, завтракай, — женщина будто давно меня знала, говорила просто, без реверансов.

Я с удовольствием угостился гренками с чаем. Через несколько минут на кухню действительно вошла Елена. Лицо чистое, свежее, строгий макияж смыт. Одетая она была в простой халат. Начавшееся вчера преобразование завершилось окончательно.

— Доброе утро. Ну как, поспал хоть немного?

— Немного да. Хватит пока. Как ваша мама?

— Хорошо. Она спит. В порядке. Слушай, большое спасибо тебе.

Я не сразу понял, в чем дело, но мгновенно уловил какую-то перемену в разговоре. Стало как-то... гораздо проще. Через пару секунд только до меня дошло, что она впервые за время нашего знакомства обратилась ко мне на «ты». Я немного потерялся даже, ответил скромно:

— Да не за что.

— Нет, есть за что. Ты настоящий человек, спасибо тебе от меня, от моей матери. Я бы без тебя ни за что не справилась — так бы и пропала в степи...

Она подошла, обняла меня, поцеловала в щеку. Я смутился, что-то пробормотал. Позже только подумал, что мы стали совсем друзьями за это короткое время, несмотря на разницу в возрасте.

Я засобирался. Мне нужно было как-то добираться до Котово. Одного взгляда в окно, выходящее на дорогу, хватило, чтобы понять, что это будет непросто. Мне объяснили, как выйти снова на трассу и взять направление на Камышин, до которого оставалось всего ничего. А из Камышина уж как-нибудь можно добраться. Я распрощался и вышел на улицу.

Снаружи царило солнечное морозное утро. Природа словно и забыла про весну, про стоявший по календарю март, и снова, возвратившись вспять, оделась в зимнее платье. Небо было удивительно чистым и радовало взгляд яркой голубой краской. Солнечный свет отражался в белой степной бесконечности, слепил глаза. Легкий ветерок, пародия на ночную вьюгу, сметал снежную пыль с сугробов, закручивал причудливые, сверкавшие в лучах карликовые вихри. Стоя почти по колено в девственном снегу, я прикрыл глаза от солнца и осмотрелся, пытаюсь понять, куда мне нужно идти. И вскоре направился в путь.

##PS

Возвращался из Котово я через пару дней. Ехал обычным рейсовым автобусом, сидел у окна, глазел на степь. На улице снова был «плюс», снег быстро таял, и на полях виднелись черные прогалины, сквозь которые жадно дышала весенним воздухом почва. Мы проехали Камышин, слева мелькнул и скрылся поселок Вихлянцево, в котором я оставил своих новых друзей.

«Так, сейчас будут Белогорки, посмотрю на тот домишко, может увижу нашу бабушку» — подумал я и стал внимательнее вглядываться в окно.

Поселок был прямо у трассы. Вот он показался вдалеке. Я внимательно смотрел. Вот и та крайняя улица, по которой рыскали мы в поисках убежища. Вот тот первый дом, из которого никто не вышел, а вот...

Я подумал сперва, что перепутал. Что это не тот поселок, не та улица. Но все было верно. Два крайних дома быстро промчались мимо моего окна и скрылись позади. Я все пытался разглядеть их получше, выкручивал шею, смотря назад.

Тот второй дом, в котором нас принимала гостеприимная бабушка, стоял скособоченный и грузный. Окна и двери были в нем наглухо заколочены иссохшими

старыми досками, покатая крыша во многих местах просела, провалилась внутрь. Дом был заброшен. И, видимо, уже давно.

Долго еще я растерянно сидел в трясущемся салоне, думал, и иногда все спрашивал о кого-нибудь из пассажиров:

— Это Белогорки сейчас проехали, да?

— Да они, они, тебе же говорили уже.

— Да, я просто... Ладно, — рассеянно отвечал я и погружался снова в свои мысли.

За окном неслась навстречу автобусу бесконечная степь.

Когда хочется спать

Виктор Шилин, 2017

Боже, как хочется спать... Нет больше сил терпеть. Сознание путается, гаснет... Что-то мутное и трепещущее пронеслось перед взглядом. Птица? Неясно. Все тонет в неясности. Пространство ползет куда-то, скручивается, замыкается... Вдруг резкий звук и толчок.

Сергей очнулся в старенькой маршрутке. Машина затормозила, и он уткнулся головой в градушку сидения впереди. Сергей с минуту тупо смотрел на потертый дермати́н, ничего не понимая. Сознание постепенно выплывало из сна. Он мотнул головой, и та неприятно запульсировала, как при похмелье.

Кто-то сзади окликнул его и передал за проезд. Парень машинально выполнил несложное поручение и уставился в окно. За ним пронеслась, сливаясь в однородное месиво, мерзкая серая зима. Льда и снега не было – только всеобъемлющие, вездесущие грязь и слякоть.

Сергей опять начал клевать носом. Ему страшно, до жути хотелось спать. Он почти не сомкнул глаз в последние две ночи и теперь переживал что-то вроде сонной «ломки».

Тело тянуло, сводило, мысли лениво ворочались в голове. Они были тяжелые, эти мысли, почти неподъемные. Как только Сергей увлекался какой-нибудь, она сразу окутывала его своей вязкой массой, душила, клонила голову к груди, и он, сам не замечая того, засыпал. Несколько раз он уже так «выключился», и теперь боялся пропустить свою остановку. И потому старался просто смотреть в окно и ни о чем не думать.

Пронеслась знакомая площадь – ему ехать еще минут двадцать... «Как бы не пропустить. Моя остановка, какая она?» – вспоминал он.

Но даже эта простая мысль начала переполнять его сознание, грозя утопить разум в глубоком сне. Сергей сопротивлялся. Он мотнул головой, вытаращил глаза. Помогало слабо. Мутная волна сна накрывала. Глаза на секунду прикрылись – сознание выключилось всего на мгновение. Потом снова. Заклевал носом. Некоторое время сон мешался с реальностью. Салон маршрутки вдруг почему-то вытянулся и стал похож на внутренности небольшого самолета. И хотя сидение перед ним было все то же потертое кожаное, дальше начинались ряды других, чистых и голубых, бархатных. Изменившуюся кабину потрясывало, откуда-то спереди, издалека, но очень громко назвали странное слово – Сергей не разобрал его, но точно понял, что говорят ему, зовут куда-то. Он встал и пошел по длинному и узкому коридору. Равновесие трудно было держать, его качало. Долго так нельзя. Он присел в кресло рядом с боковой стенкой. Глянул в иллюминатор (да, да, рядом был иллюминатор!) – там вихрилась какая-то белая пелена. Облака – не облака. Может дым? Я в самолете? – думал Сергей.

Вдруг на боковой стене, прямо перед его носом открылась дверь – из нее пахнуло холодом и сыростью. Дверь оказалась тут внезапно, только что ее не было. Сергей, сам не зная зачем, склонился к проему, скрючился – ему почему-то очень хотелось сторбиться и сложится вдвое. Из проема что-то темное и массивное кинулось на него, толкнуло в лоб, обняло лицо сырой прохладой. Длинный коридор вдруг сократился, исчез, голубые кресла снова превратились в старые потертые. Сергей увидел перед собой грязную жижу, переливавшуюся по полу маршрутки, влажные складки плаща, руку, которая схватила его за плечо и тормошила.

– Молодой человек, очнитесь, дайте пройти!

Полноватая женщина средних лет старалась разбудить Сергея и протиснуться мимо него к свободному месту. Заснув, парень наклонился сильно вбок в сторону прохода и почти вдвое сложился – и этим перегадил пассажирке дорогу. Еще чуть-чуть и он упал бы лбом вперед, прямо в грязь на полу.

Сергей рывком выпрямился, пропустил женщину. Он не думал, делал это машинально. Потом сел – сознание в который раз уже поднималось со дна забытья. Что снилось, он уже почти не помнил. Остались какие-то смутные образы и только. Вдруг его кольнуло – остановку проехал! Сергей глянул в окно и долго не мог понять, где они едут. Местность казалась незнакомой. Он спросил водителя и тот ответил, что нет, еще не проехали. «Через минут пятнадцать-двадцать только будем» – отозвался он.

«Двадцать?! – подумал Сергей. «Значит, я не проспал и двух минут!»

Эта мысль удивляла его, впрочем, недолго. Сейчас вообще ничто не могло занимать его долго и всерьез – просто потому что он очень быстро засыпал, стоило ему начать думать о чем-то более нескольких секунд.

Сергей достал из кармана наушники – может резкая музыка спасет ото сна? Он вставил их в уши и включил какой-то шумный рок. Поначалу это помогало. Он просто смотрел в окно на пролетающие там встречные машины и слушал грохотание барабанов.

Песня кончилась, началась другая. Эта была не такая бодрящая, а напротив, довольно мрачная, но Сергей не стал переключать. Он посчитал уже, что пик сонной жажды прошел. Мелодия переливалась, и в такт ей сменялись объекты за окном. Сергей вдруг понял, что все происходящее вокруг находится в странной гармонии с мелодией. Маршрутка трясется, притормаживает и стартует в такт музыке. Деревья пролетают за окном ровно тогда, когда нужно музыке. Все окружающее сложилось в какой-то единый ритм.

«Опять засыпаю» – подумал Сергей. Его удивило, что в забытии он может еще что-то думать, как-то осознавать сон изнутри. Парень решил мотнуть головой, чтобы проснуться. Он напряг мышцы шеи – точнее сделал то, что обычно привык делать, когда бодрствовал и хотел повернуть шею. Но вместо желаемого начало происходить странное.

Кабина накренилась и будто разом вся потянулась куда-то. Пейзаж за окном замер и начал медленный неспешный разворот – будто Сергей поворачивал вместе со своей головой всю «Газель». И вот уже за окном видны не деревья и обочина, а устремленное вдаль шоссе. Сергей потянулся к окну – все происходило медленно, тягуче, словно в невидимой патоке. Видно было грязную слякоть на дороге, серое небо и что-то впереди, какой-то объект, похожий на жука. В голове продолжала звучать мелодия – все происходило под ее неспешный ритм. «Жук» вырос – это был грузовик. Сергей тупо смотрел, как он растет – и не понимал, быстро это происходит или медленно, наяву или во сне. «Да он сейчас в нас врежется» – подумал Сергей, но это был не отчаянный крик, а скорее резонное замечание.

Несколько мгновений жук-грузовик продолжал увеличиваться в окне, пока не заполнил собой все пространство. Сергей мог различить его до мельчайших деталей. Он видел полопавшуюся краску на капоте, ржавчину радиатора, испачканное грязными брызгами лобовое стекло, искаженное в крике лицо водителя в этом стекле. Видел даже несколько флажков, закрепленных на панели перед шофером – российский флаг, флаг ВДВ и еще какой-то, которого Сергей не знал.

Когда казавшаяся бесконечной музыка в ушах вдруг смолкла, сильнейший удар вырвал Сергея из сидения и устремил куда-то. Он чувствовал себя куклой, которую запустили со всей мочи в небо шальные дети – его тащило, крутило, перед глазами мелькало что-то. Все вокруг него все смешалось. Удивительно было, что Сергей все еще спал, точнее, находился в том странном состоянии, в которое его ввела монотонная музыка – об этом ему говорила жуткая тишина, царившая вокруг. Музыка уже не было, но и ничего кроме нее тоже не было.

Второй мощнейший удар потряс его и внезапно звуки нагрянули, накрыли с головой, оглушили. Сбоку ревели моторы – видимо, это были пронесившиеся по другой полосе машины. Рядом хрустело что-то похожее по звуку на битое стекло. С той же стороны шипело, свистело, дребезжало. «Газель» – подумал Сергей.

Он лежал на асфальте с зажмуренными глазами, скрючившись, как младенец. Потом открыл глаза, увидел щели света сквозь зажатые руки. Он отнял их от лица, посмотрел вверх – увидел небо. Оно было такое же мутное и серое. Странно, но ничего не болело. Он перевернулся, оперся на руки и поднялся, в ладони при этом впились бесчисленные осколки стекла. Встав, он увидел только мокрую гладь дороги – его бросило лицом в другую от аварии сторону. Невдалеке стояли как попало несколько машин, из них выскакивали люди и бежали к нему. В голове его и груди будто бил молот, рот наполнялся вкусом железа, но боли по-прежнему не было. Сергей обернулся в ту сторону, где должна была быть «Газель». И тут же пожалел об этом.

Позади него стоял покореженный остов маршрутки – один борт полностью раскурочило, машину почти разорвало надвое ударом. Капот погнуло, из-под него что-то со свистом вырывалось, какой-то газ. Сергей видел огромную зияющую дыру на месте бокового окна – из нее он, наверное, и вылетел. Взгляд упал внутрь кабины – что-то виднелось там, какие-то порванные мокрые лохмотья. Это были люди. Другие лежали в неестественных позах возле машины, в россыпи битого стекла.

Сергея стошнило. Он отвернулся, упал на одно колено. В стороне от маршрутки стоял сильно развернутый грузовик – он пострадал слабо, лишь помял бампер, да лобовое стекло было выбито – через него, видимо, вылетел при ударе водитель.

Сергей повернулся и побежал мимо грузовика прочь – сам не понимал куда, куда-нибудь, лишь бы дальше от этого ужаса. Он видел где-то вдалеке людей, их машины. Гудели сирены, ему что-то кричали, но он не слышал, не хотел слышать. «Прочь, дальше, дальше!» – хлестали его обезумевшие мысли.

Внезапно воздух позади него порвал визг тормозов. Сергей оглянулся на бегу – за его спиной замедлял ход здоровенный джип – из-под колес его вырывался дым, асфальт чернел от стиравшихся шин. Он понял, что выбежал на другую полосу. Сергей повернул взгляд в сторону, и его бросило в пот – так же визжа, прямо на него несясь автобус. Вот почему кричали ему люди. Оставалась буквально пара метров – уже ничего нельзя было сделать. Сергей зажмурился, ожидая удара.

Удар был на удивление слабым – Сергей открыл глаза и увидел, что уткнулся головой в пропахшую потом родную грядущку. Лихая маршрутка снова резко затормозила, и весь салон покатился вперед.

Сергей, ничего не понимая, смотрел перед собой. Он снова сидел на своем сиденье, в одном ухе дребезжала какая-то музыка, во втором что-то надрывно кричали, видимо, ему.

«Парень, твоя остановка! Ей ты! Твою мать, повтыкают в уши затычек! Пните его кто-нибудь!»

Сергея буквально вытолкали из маршрутки – дверь хлопнула, и «Газель», дребезжа, умчалась дальше. Парень выдернул оставшийся наушник.

«Надо же так крепко уснуть» – думал он, медленно шагая от остановки.

«А что мне снилось? – пытался вспомнить Сергей и не мог. Все совершенно вылетело из головы.

«Жуть какая-то» – чесал он голову на ходу.

Ускоритель света

Виктор Шилин, 2016

В детстве я как-то изобрел ускоритель света. Не смейтесь, знатоки науки. Я был неопытен, чрезвычайно любил фантазировать и только-только начал изучать физику в школе. Помню, мы проходили тогда механику: скорость, ускорение, сохранение импульса, законы Ньютона. Мне все было жутко интересно. С упоением я рассчитывал, за какое время упадет камень с Пизанской башни, с какой скоростью разлетятся бильярдные шары после удара, под каким углом лучше стрелять пушке. Больше этого я любил только книги о космосе. Часами мог разглядывать в старых энциклопедиях фотографии звездных

систем и далеких планет, читать об истории исследования Вселенной. Как-то раз наткнулся я на статью «корпускулярно-волновая теория света». Статья изобилвала похожими на египетские иероглифы формулами, портретами ученых, схемами экспериментов. Помню, что статью я не дочитал – чем дальше, тем становилась она непонятнее. Я остановился где-то на середине и закрыл книгу. Со стороны я выглядел, должно быть, немало обалдевшим.

Многое осталось для меня загадочными письменами, однако, главное, как мне тогда казалось, я уловил. Лучи света – это потоки мельчайших частиц, фотонов, несущихся с огромной по земным меркам, но вполне определенной скоростью – скоростью света. У них есть, как и у других частиц, энергия и масса, они даже также подвержены гравитации! Я зажмурился: в темноте передо мной куда-то неслись маленькие желтые шарики, ударялись, отскакивали от предметов, окрашивая их во всевозможные цвета. Мое детское воображение поражала мысль о том, что свет звезд – это рожденные ими фотоны, дошедшие до нас лишь через сотни лет.

С головой, полной неуловимых потоков света, я сел за задачи по физике.

«Абсолютно упругий мяч массой летит со скоростью 5 м/с и ударяется в лобовое стекло автобуса, едущего навстречу со скоростью 20 м/с. Масса автобуса – 2т, масса мяча – 1 кг. Определите, с какой скоростью отскочит мяч после удара».

Я нарисовал схему. Шарик, автобус, стрелочки... Шарик... Перед мысленным взором пронесся ярко желтый фотон размером с мяч, ударился в стекло и отскочил. Меня осенила страшная в своей простоте и смелости идея. Я отодвинул тетрадь по физике, достал чистый лист бумаги. Я спешил, меня лихорадило, быстрыми движениями я черкал ручкой по белой поверхности и про себя рассуждал:

«Так! Так, если свет состоит из таких же частиц, только очень мелких, но имеющих и массу, и скорость, то они так же будут иметь и импульс, и кинетическую энергию. Верно? Верно! А значит, они могут ее отдавать, а могут и принимать! Точно также, как этот мяч! Мяч ударится о встречный автобус и отскочит с большей скоростью, а фотон... фотон отскочит от, допустим, встречно движущегося зеркала, и отразится... тоже с большей скоростью! Стоп. Но свет и так отражается от многих движущихся предметов... Но это неважно, скорость всех предметов очень мала, и они то движутся навстречу ему, то отдаляются, то есть одинаково и ускоряют свет и тормозят. В сумме эффект нулевой. А вот, скажем, если... Если сделать такой аппарат, который бы каждый раз «ловил» фотоны на встречном движении, и понемногу ускорял бы их, но только ускорял, не замедляя! Тогда можно было бы не просто поколебать скорость света мелким отклонением, а увеличить её, может быть, даже в несколько раз!»

Эта идея захватила меня. Мысль о том, что свет, тысячи и тысячи лет несущийся к нам из глубин Вселенной с одной и той же скоростью, можно «поймать» и ускорить, казалась обескураживающе революционной. Стало даже немного жутковато своей дерзости. Я думал дальше:

«Так... Нужны большие расстояния, чтобы зеркальные пластины успевали менять направление и разгоняться. Нужен вакуум – в газе свет рассеивается. Нужен излучатель, вроде лазера, способный дать короткий, но мощный импульс. Скажем, из точки «А» свет летит и ударяется в зеркало, движущееся ему навстречу, отражается и летит назад. Он не должен попасть в ту же точку «А», иначе просто рассеется об излучатель, а зеркало должно успеть за время обратного движения и возвращения луча, дважды изменить направление. Значит, это как минимум сотые-десятые секунды. За это время свет проходит тысячи километров. Такая установка может быть размещена только в

космосе. Движения зеркал должны быть очень быстрыми и частыми. Это будет выглядеть, как... как вибрация!»

Мое воображение нарисовало колоссальных размеров установку. Миллионы вибрирующих зеркал, составляющих замкнутый коридор, в котором от стены к стене мечется световой импульс. Коридор опоясывает Землю по орбите и расширяется – с увеличением скорости света, расстояния потребуются еще большие. Наконец, пройдя несколько витков ускорителя, свет вырывается из плена и устремляется по назначению, в глубины Вселенной! Только ему на это потребуется не тысячи световых лет, а в два, в три, а, может быть, и в десять раз меньше времени! Ну, что, космические скептики, съели!

Весь конец дня я сидел, как на иголках. Ускоритель света не давал мне покоя. Я беспрестанно обдумывал свою идею, менял детали реализации, с затаенным страхом мучительно перепроверял, нет ли где ошибки.

«Ну вот же, фотон, он – частица, у него есть и масса, и скорость. Ударяется, ускоряется. Все верно».

Однако грызла мысль, что такая простая идея не могла так долго дожидаться меня. Если все мои рассуждения верны, давно уже должен был кто-нибудь изобрести «ускоритель света». Но, как я ни вертел свою идею, ошибки не находил.

Утром следующего дня на ватных ногах я подошел к учительнице по физике и не своим голосом произнес: «Я вот тут придумал кое-что... со светом...». И протянул исписанный и изрисованный лист бумаги. Учительница взялась расшифровывать мои каракули.

– Вот это, свет верно? А это что?

– Зеркала. Они движутся навстречу фотонам и отражают... И ускоряют.

– Так, поняла, и луч гоняется по этому лабиринту, состоящему из таких пластин, а потом направляется по назначению, верно?

– Верно.

Учительница улыбалась и рассматривала схему, а я был готов провалиться сквозь землю в ожидании приговора. Наконец она подняла глаза на меня: «Очень хитро придумано, почти все предусмотрел, кроме одной штуки». По тону я понял, что все – хана. Нет никакого ускорения, где-то все-таки закралась очевидная, но мной не обнаруженная ошибка. Однако, изобретатель «фотодрона» (так я уже успел окрестить свое детище) внутри меня не сдавался и готов был биться за свое открытие. Со смешанным чувством отчаяния и обиды я начал смотреть на схемы и формулы, которые она ловко черкала на доске. Не буду приводить тут краткую лекцию про волновую природу света, про дифракцию и дисперсию. Завершила она теорией относительности и искаженным пространством-временем. Понял я мало, слишком было сложно для того возраста, но слова о том, что скорость света – это предельная скорость чего-либо во Вселенной, прозвучали во мне громом среди ясного неба. Мечта расплзлась по швам.

В конце учительница, все еще улыбаясь, похвалила меня за «пытливый ум» и пообещала принести интересную книгу о физических парадоксах, связанных со светом, временем и пространством. А еще дала несколько задач, «порешать на досуге». После уже я понял, что это была скрытая подготовка к олимпиаде.

Шел я домой все же раздосадованный. Такой проектище рухнул. И, главное, непонятно почему!

«Почему это, ну вот с чего, не может быть скорости, большей скорости света! Что за вселенский потолок! Подумаешь, время замедляется, масса увеличивается... Что с того, что при скорости света время вообще замрет! Стоп...»

Я остановился.

«Так... Так! Если при приближении к скорости света время замедляется, а при скорости равной ей, так и вообще остановится, то... То при прохождении «светового» порога оно начнет течь назад! Как мы не можем заранее услышать сверхзвуковой самолет, так и сверхсветовой объект, мы увидать и ощутить не можем, потому что он начинает двигаться обратно во времени! Вот вам и порог! Это... Это надо обдумать».

И я стремглав побежал домой.

Щенок

Виктор Шилин, 2016

Уставший, я возвращался с ночной смены. Дорога лежала через железнодорожный узел, за которым был небольшой пустырь. За ним начинались жилые дома. К ним я и держал путь.

Сразу за «железкой» тянулось хаотичное нагромождение гаражей и частных дворишков. Заросшее травой свободное пространство меж ними было завалено битым кирпичом и различным хламом, а заборы представляли из себя сложную конструкцию из досок, фанерных щитов, и старых выброшенных дверей.

Еще на подходе я услышал душераздирающий собачий вопль, доносившийся из гаражей. Это была ужасающая смесь скулежа, хрипа, рычания и еще многих невнятных, но очень выразительных животных звуков.

Навстречу мне, со стороны жилых кварталов рельсы переходил старик. Мы встретились на тропинке, и он, не обращаясь прямо ко мне, а как бы просто резюмируя, произнес в воздух: «Щенка рвут... Тут стая бегаёт... Видно сука оценилась, а кобели нашли – и рвут».

Старик минул пути и скрылся. А я шел дальше, слушая вопли. Шаг мой замедлился. Воображение живо нарисовало страшную картину: маленького окровавленного кутенка окружила свора ошестившихся псов. Они хватают его за шкуру, лапы, уши, тянут в разные стороны и вырывают с хрипом клоки шерсти. Ужас!!

Я прошел мимо и истошные вопли раздавались уже за спиной. В душе царил смятение. В тихом, еще сонном квартале жуткие звуки были хорошо слышны. Они не давали покоя.

«Ну и что я пойду? Даже если отгоню собак, что мне с ним делать, они его уже покалечили. Я уйду, и они снова набросятся, если и не на меня, то опять на него, и что изменится?» – так я успокаивал себя, подходя к подъезду.

«И потом, может, там и не пройти? Как я, через заборы что ли полезу?»

Но в голове кто-то гадкий назойливо подсовывал один и тот же вопрос: «А если бы человек кричал, тоже бы мимо прошел?»

«Ну, человек другое дело... А тут щенок... всего лишь.»

И перед мысленным взором появлялся окровавленный, истерзанный кутенок. Или, еще хуже, его бездыханное тело.

Хмурый и задумчивый я открыл дверь квартиры. Прошел на кухню, поставил на стол пакет с заводским молоком. Перед глазами стоял щенок. Невыносимо!

Я выругался вслух, и, будто вырвавшись из оцепенения, быстро накинул куртку, вновь обулся и, хлопнув дверью, пулей выбежал на улицу.

Почти бегом добежал до гаражей. Было тихо. Подумал: «Убили!».

Но тут раздался знакомый уже скулеж – теперь он был для меня почти ангельским пением.

«Живой... Держись!»

Впопыхах я подобрал несколько камней – оружие против псов. Думал на ходу: «Главное в него не попасть!».

Решительно настроенный, я вбежал в пространство меж гаражами и каким-то забором и остановился.

Вопли вновь прекратились. Вокруг было пусто и теперь тихо. Я пошел дальше: груды кирпичей, заросли травы – и ни собак, ни крови, ни клоков шерсти: никаких следов расправы.

«Где же он?»

Что-то промелькнуло справа, за забором. Я всмотрелся в широкую щель меж иссохших досок. По двору, возле конуры прогуливалась красивая белая собака.

«Неужели во дворе? А где остальные?»

Прошел дальше вдоль забора, там доски сменялись жестяным щитом – он был ниже и можно было нормально увидеть все, что происходило во дворе.

Никого кроме белой собаки не было.

Покрутившись вокруг своей конуры, она начала делать то, отчего мое лицо вытянулось, а внутри... взыграла сложная гамма чувств.

Собака, не приученная еще, видимо, к поводку, рванулась вперед. Поводок натянулся и началось свирепое борение собаки и державшей ее веревки. Ошейник сдавливал ей горло, она хрипела, извивалась и издавала те самые звуки «раздираемого псами щенка». Одна, без всякой своры.

Я какое-то время тупо смотрел на эту картину. Потом сплюнул, с силой бросил из вспотевших ладоней камни и пошел прочь. Временами останавливался, прислушивался к воплям и с усмешкой произносил: «Нет ну дед-то, дед, как уверенно «щенка рвут», тьфу!»

Но несмотря на глупую ситуацию, в целом я чувствовал себя просто прекрасно. Будто камень свалился с души.